

Аркадий Аверченко

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

УДК 82-32
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А19

Аверченко, А.

А19 Чудеса в решетке / А. Аверченко. – М. : Т8RUGRAM. – 256 с.

ISBN 978-5-519-62903-4

Аркадий Аверченко (1881–1925) – прославленный писатель-сатирик, драматург, театральный критик и редактор знаменитых периодических изданий «Сатирикон» и «Новый Сатирикон».

В книге представлены увлекательные произведения «мастера смеха» из циклов «Чудеса в решетке» и «Кипящий котёл», которые вызовут у читателя шквал самых ярких и искренних эмоций.

УДК 82-32
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC004000

СОДЕРЖАНИЕ

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ	5
Отдел I. Чудеса в решете.....	7
Эхо церкви Феличе.....	7
Пирамида Хеопса	19
Американец	27
Резная работа.....	34
Драма в семье Бырдиных	40
Отчаянный человек.....	48
Первый анекдот обо мне.....	57
Как женился Панасюк	62
Отдел II. Окружающие нас.....	72
Окружающие нас	72
Знаток женского сердца	75
Роковой Воздуходув	82
Материнство.....	88
Профессионал	92
Исповедь, которая облегчает.....	103
Кустарная работа.....	110
Отдел III. Те, которые действуют на нервы	116
Приезжий Сельдяев.....	116
Необыкновенный человек	124
Чеховианец	132
Самоновейшие воспоминания о Чехове.....	140
Плакучая ива	148
Рассказ о Ниночке Крохиной.....	155
Отдел IV. Ласковые рассказы	161
Семь часов вечера	161

КИПЯЩИЙ КОТЕЛ	169
Введение. Зачем я выпускаю «Кипящий котел»?	171
I. Оскудение и упадок	174
Старый Сакс и Вертгейм	174
Бал у графини Х.....	179
Страна без мошенников	181
Русская сказка	185
II. Обнищание культуры	189
Володка	189
Косьма Медичис	193
Разговоры в гостиной	197
III. Денежная гипертрофия	202
Крах семьи Дромадеровых	202
Записки дикаря	207
Леденящая душу история	212
IV. Спекуляция	217
Борцы	217
Торговый дом «Петя Козырьков»	221
Прогнившие насквозь	227
V. Демократия	231
Драма на море	231
Дневник одного портного	236
Аристократ Сысой Закорюкин	241
VI. Бесквартирье	245
Ищут комнату	245
Сентиментальный роман	250

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

ОТДЕЛ I. ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

Эхо церкви Феличе

Однажды летним вечером мы с приятелем сидели за столиком в саду и, попивая теплое красное вино, глазели на открытую сцену.

Дождь, упорно стучавший по крыше веранды, на которой мы сидели; необозримое снежное поле не занятых никем белых столиков; ряд самых замысловатых «номеров» демонстрировавшихся на открытой сцене; и, наконец, живительное теплое бордосское — все это настраивало нашу беседу на самый глубокомысленный, философический лад.

Прихлебывая вино, мы дружно цеплялись за каждое пустяковое обычное явление окружающей нас жизни и тут же, сблизив носы, принимались его рассматривать самым внимательным образом.

— Откуда берутся акробаты? — спросил мой приятель, поглядывая на человека, который только что уперся рукой в голову своего партнера и немедленно же поднял вверх ногами все свое затянутое в лиловое трико тело. — Ведь просто так, зря, они же акробатами не делаются. Почему, например, ты не акробат или я не акробат?

— Мне акробатом быть нельзя, — резонно возразил я. — Мне рассказы нужно писать. А вот почему ты не акробат — я не знаю.

— Да я и не знаю, — простодушно подтвердил он. — Просто не приходило в голову. Ведь, когда в юности

предназначаеть себя к чему-нибудь, то акробатическая карьера как-то не приходит в голову.

— А вот им же — пришла в голову?

— Да. Действительно это странно. Так иногда хочется пойти за кулисы к акробату и расспросить его — как это ему вздумалось сделать карьерой — ежевечернее влезание на голову своему ближнему.

Дождь барабанил по крыше веранды, официанты дремали у стен, мы тихо беседовали, а в это время на сцене уже появился «человек-лягушка». Был он в зеленом костюме с желтым лягушечьим брюхом и даже с картонной лягушечьей головой. Прыгал, как лягушка — и, вообще, ничем от обыкновенной лягушки, кроме размера, не отличался.

— Вот возьми — человек-лягушка. Сколько их, таких «человеков — чего-нибудь» бродит по свету: человек-страус, человек-змея, человек-рыба, человек-каучук. Спрашивается: как всякий такой человек мог добраться до решения — сделаться человеком-лягушкой? Осенила ли его эта мысль сразу, когда он мирно сидел на берегу тинистого пруда, наблюдая действия просто-лягушек... Или эта мысль постепенно, исподволь росла в нем и крепла.

— Я думаю — сразу. Осенило.

— А, может быть, у него с детства было стремление к лягушечьей жизни и только влияние родителей удерживало его от этого ложного шага. Ну, а потом... Эх, молодость, молодость! Потребуем еще одну, — хорошо?

— Молодость?

— Бутылку. А это кто, в клетчатом пальто с громадными пуговицами, в рыжем парике? Ах, эксцентрик! Заметь, у них уже есть свои освященные временем приемы, традиции и правила. Например — эксцентрик должен быть непременно в рыжем парике. Почему? Бог его знает! Но это хороший клоунский тон. Затем — появляясь на сцене, он никогда не сделает ни одного целесообразного поступка. Все его жесты и шаги должны быть явно бессмысленны, обратно-пропорциональны здравому смыслу. Чем бессмысленнее — тем больший успех. Погляди: ему нужно закурить папиросу... Он берет палочку, трет ее о лысину — палочка зажигается. Он закуривает папиросу, а горящую палочку прячет в карман. Теперь ему нужно погасить папиросу. Как он это делает? Берет сифон содовой воды и пускает струю на тлеющую папиросу. Кто в действительной жизни зажигает спички о голову и гасит папиросу с помощью сифона? Он хочет расстегнуть пальто... Как он это делает? Как другие люди? Нет! Он вынимает из кармана громадные ножницы и отстригает ими пуговицы. Смешно? Ты смеешься? А знаешь, почему люди смеются, глаза на это? Психология их такова: о, Боже, как глуп этот человек, как он неуклюж!.. А вот я не такой, я умнее. Я зажгу спичку о спичечную коробку и расстегну пальто обычным способом. Тут просто звучит замаскированная молитва фарисея; благодарю тебя, Господи, что я не похож на него.

— Бог знает, что ты такое говоришь...

— Да уж верно, брат, верно. Жаль, что над этим никто не задумывается... Ну, вот посмотри: его партнер

хочет его брить... Взял ведро с мыльной водой, привязал его салфеткой за горло к стулу, а потом нахлобучил ему ведро с мылом на голову и, бьет, торжествуя победу, по его животу кулаками и ногами. Смешно? Публика смеется... А что если бы привести сюда старушку-мать этого рыжего с ведром на голове; она, вероятно, и не знает, чем занимается её сын, её дитя, которого она укачивала на коленях, тихо целуя розовые пухлые губки, глядя шелковистые волосики, прижимая младенческий теплый животик к своей многолюбящей материнской груди... А теперь по этому животу какой-то зеленощекий парень молотит своими ножищами, а с пухлых губок, измазанных краской, стекает мыльная пена, а шелковистых волосиков нет — вместо них ужасные красные волосища... Каково это матери? Заплачет она и скажет: Павлик мой, Павлик... На то ли я тебя растила, холила. Дитя мое! Да что же это ты с собою сотворил такое?!

— Во-первых, — категорически заявил я, — ничто не помешает этому рыжему, если он, действительно, встретить свою мать — заняться какой-нибудь другой более полезной деятельностью, а во-вторых — ты, кажется, выпил вина больше, чем нужно.

Приятель пожал плечами.

— Во-первых, этот парень уже ничем другим заняться не может, а во-вторых, я выпил вина не больше, а меньше, чем нужно, — в подтверждение чего могу тебе связно и толково рассказать одну действительную историю, которая подтвердит мое я во-первых.